
ИСТОРИЯ

УДК 93/99:2(470)

В статье анализируется история канонизации святых. На основе агиографических трудов, архивных документов, церковных актов и фактического материала выявлена специфика и критерии канонизации подвижников благочестия, в том числе применительно к общецерковному или местному почитанию. Показана пагубность литературной «псевдоканонизации» и сформулированы выводы о подвиге святости и его влиянии на событийный ход истории.

Ключевые слова: Русская православная церковь; канонизация; мученик; подвижник благочестия.

The article analyzes the history of canonization of saints. Based on hagiographic works, archive documents, Church acts and factual material the article reveals the specifics and criteria of canonization of ascets, including for Church-wide and local veneration. The article shows the malignancy of the literary “pseudocanonization” and formulates conclusions about the feat of Holiness and its impact on the eventful course of history.

Key words: Russian Orthodox Church, canonization, martyr, godliness zealot.

В. А. Орловский (игумен Дамаскин)

*Синодальная комиссия по канонизации святых Русской православной церкви
E-mail: usr04@mail.ru*

Канонизация святых в Русской православной церкви. Исторический аспект

Научная статья

V. A. Orlovskiy (Damaskin, hegumen)

*The Canonization Commission of the Russian Orthodox Church
E-mail: usr04@mail.ru*

Canonization of Saints in the Russian Orthodox Church. Historical aspect

Scientific article

Восстановление института канонизации святых Русской православной церкви как проблема общецерковного и государственного значения приобрела в последние два десятилетия общественный резонанс и актуальность в сфере научного исторического знания. «Обращение к этим открытым пока темам церковной истории может оказаться чрезвычайно плодотворным для будущих исследователей» [1, с. 189], по мнению И. В. Семененко-Басина, автора монографии «Святость в русской православной культуре XX века», в которой он рассматривает проблему формирования персонифицированных образов святости в процессе христианизации славян как локальную историю «ответной культурной деятельности человека в ситуации его встречи с сакральным» [1, с. 9]. Уникальный опыт Церкви

в исследовании святости и канонизации святых содержит ключ к пониманию влияния человеческого фактора на исторический процесс, однако остается в основном достоянием церковной науки. В настоящей статье автор попытался ответить на один из существенных вопросов русской агиологии и агиографии, кого следует считать святым и какова разница между агиографическим трудом и литературным произведением, в том числе памятником древнерусской литературы, где дается описание жизни святого.

Для Русской церкви этот вопрос приобрел особую остроту во второй половине XIX столетия, когда она столкнулась с серьезной угрозой для целостности и чистоты своего церковного предания в связи с растущим числом «псевдоканонизаций», совершаемых писателями,

© Орловский В. А., 2016

публиковавшими «жития» неканонизованных подвижников благочестия как канонизованных святых. Умножение печатных изданий и увеличение числа желающих не столько изучать данный вопрос, сколько собирать сведения о подвижниках в рамках краеведческих задач привело к появлению ряда ошибок.

Против произвольного толкования такого явления, как прославление святых, выступил в свое время митрополит Московский Филарет (Дроздов), писавший одному из высокопоставленных чиновников Святейшего Синода А. Н. Муравьеву 26 декабря 1835 г., что «архимандрит Соловецкий канонизует святых» [2, с. 532], имея в виду, «что архимандрит Соловецкий Досифей в своем описании Соловецкого монастыря, представленном в цензуру, самовольно назвал святыми некоторых усопших Соловецких иноков» [2, с. 532].

Емко и четко эта проблема агиографии была освещена при подготовке архиепископом Владимирским и Суздальским Сергием (Спасским) «Верного месяцеслова всех русских святых». «В литературе о русских святых доселе обращал на себя внимание знающих людей большой недостаток. Святые, чтимые молебнами и торжественными литургиями, не отличались <...> писателями от тех усопших, которые по богоугодной жизни <...> считаются за угодников Божиих, но по которым поются панихиды и заупокойные литургии или даже ничего не поется. Наибольшее влияние на писателей о русских святых имел <...> Филарет, архиепископ Черниговский, своею книгою: “Русские святые, чтимые всей Церковью или местно” (изд. 1861–1865 гг.). Но в эту книгу внесено им до 85 таких усопших, которые не канонизованы и чтутся панихидами и заупокойными литургиями или по которым ничего не поется. <...> Его книге, по доверию и по невозможности проверить ее, стали следовать и другие писатели. Стали вносить имена неканонизованных даже в календари и месяцесловы <...>. Последующие писатели стали еще более наполнять свои пространные сочинения о русских святых именами считавшихся за святых из разных рукописных старинных святцев, из исторических памятников литературы и особенно из “Книги глаголемой: Описание о российских святых”, в которой помещены такие, время кончины коих и место погребения неизвестны и которые давно совершенно забыты христианами даже тех местностей,

в которых жили, а в последнее время писатели стали помещать в своих произведениях чтимых усопших даже XIX в. [3] и почти современных нам» [4, с. 55–56].

История канонизации святых в Русской православной церкви делится на несколько периодов: от начала христианства на Руси до Макариевских Соборов 1547 и 1549 гг.; период Макариевских Соборов; от Макариевских Соборов до учреждения Святейшего Синода в 1721 г.; от времени учреждения Святейшего Синода до падения абсолютистской монархии в 1917 г.; канонизации, совершенные в 1918 г. на Священном Соборе Православной российской церкви и совершающиеся до настоящего времени. Всего от первых канонизаций в России по 1902 г. к лику святых причислено – 382 [4; 5, с. 483–484] подвижника благочестия, почитаемых общецерковно и местно (только в отдельных епархиях).

Однако вопрос о точном установлении того, канонизован ли тот или иной подвижник для местного почитания или нет, оказался трудно разрешимым. Если об общецерковно чтимом святом, на канонизацию которого в период с XVIII до начала XX столетия давалось благословение Святейшего Синода, своевременно извещались епархиальные архиереи, то канонизация местночтимого святого, совершенная епархиальным архиереем по благословению Святейшего Синода, могла остаться, по мнению епископа Ковровского Афанасия (Сахарова), и неизвестной. В результате это могло привести к тому, что одному и тому же святому в одной епархии Русской церкви служились молебны, а в другой – панихиды. Такое положение было чревато пагубными последствиями. Разрешить проблему могла только высшая церковная власть, какой являлся на то время Святейший Синод.

Инициатором важнейшего церковного дела по составлению верного месяцеслова стал общепризнанный глава русских агиологов, архиепископ Владимирский и Суздальский Сергей (Спасский; 1830–1904), более тридцати пяти лет занимавшийся агиологией и оставивший труды, научное значение которых остается актуально до настоящего времени [6]. «Замечательной чертой, обеспечивающей научное значение “Полного месяцеслова Востока”, – писал профессор Московской духовной академии А. А. Спасский, – является историко-критический метод, господ-

ствующий на всем протяжении сочинения. Автор повсюду стоит на высоте современных требований исторической критики, и это тем более дорого, что материал, подлежащий его изучению, представляет собой область, где наиболее царствует легенда. Встречаясь с подложным житием, автор спокойно отмечает его подложность, позднейшее – позднейшим и недостоверным» [7, с. 221–222]. Критик отмечал, что, даже если после кончины архиепископа Сергия появятся какие-либо древние рукописи, «они едва ли изменят в каких-либо существенных чертах те общие выводы, к которым пришел Высокопреосвященный Сергий в своем месяцеслове» [7, с. 224].

Указом от 10 августа 1901 г. Святейший Синод распорядился, чтобы все правящие архиереи Русской церкви предоставили списки всех местночтимых святых, канонизованных во вверенных им епархиях. На основании присланных из всех епархий сведений был составлен «Верный Месяцеслов всех Русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно».

Определением Святейшего Синода от 26–27 марта 1903 г. поручалось «Московской Синодальной типографии напечатать <...> в количестве 50-ти тыс. экз. “Верный Месяцеслов всех Русских святых” с указателем <...> потребное количество экземпляров <...> разослать в распоряжение епархиальных начальств для снабжения ими всех православных церквей империи» [8, л. 59]. К Месяцеслову прилагался одобренный Святейшим Синодом доклад архиепископа Сергия (Спаского), в котором, в частности, определялось: «<...> Изданный “Верный Месяцеслов всех Русских святых” возлагает обязанность и на духовную цензуру не допускать, чтобы в календари и народные месяцесловы вносились имена неканонизованных русских чтимых усопших, не находящихся в означенном Месяцеслове; прежде извиняло их в этом деле неведение, а теперь ясно показаны границы между канонизованными святыми и неканонизованными. И на издателей больших сочинений о святых, которые составляются с научной целью и наполняются именами и неканонизованных подвижников, возлагается отныне обязанность отличать ясно канонизованных от неканонизованных, за чем следить также лежит на обязанности и цензуры» [4, с. 57].

Архиепископ Сергий (Спаский) скончался 20 ноября 1904 г., завершив важнейший для Русской церкви труд; о его научном труде писалось тогда: «Ни один народ, ни одна Церковь не владеет столь упорядоченным, научно-обоснованным и полным собранием своих святых. Это – труд, которым должна гордиться Русская церковь» [7, с. 224].

В настоящее время мы можем сказать с определенностью: не совершись в свое время это важнейшее для Русской церкви дело, мы бы уже никогда не смогли определить, кто из подвижников в Русской церкви является канонизованным святым и кто нет: святые для сознания верующих попросту бы потерялись среди имен подвижников, запечатленных в разного рода календарях, литературных сочинениях и трудах ученых.

Для того чтобы в настоящее время определить, кто из подвижников благочестия в действительности канонизован, а кто внесен из синодиков и книг, где имена святых смешаны с именами неканонизованных подвижников, важно точно знать, какие документы в Русской церкви имеют обязательный канонический характер.

В 1956 г. епископ Ковровский Афанасий (Сахаров), будучи председателем Календарно-богослужебной комиссии при Священном Синоде Русской православной церкви, писал: «В отношении Русских святых нам должно руководствоваться “Верным Месяцесловом всех Русских святых”, изданным по благословению Свят[ейшего] Синода в 1903 г.» [5, с. 483]. Таким образом, церковным документом на начало XX столетия, включавшим всех канонизованных к этому времени русских святых, являлся «Верный Месяцеслов всех русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно», изданный по постановлению Святейшего Синода в 1903 г. В 1904 г. Святейший Синод внес последние коррективы, касающиеся имен трех подвижников.

Для последующего периода XX и начала XXI вв. церковными документами, подтверждающими канонизацию, являются: постановления Святейшего Синода, Поместных и Архиерейских Соборов, Священного Синода и Святейшего Патриарха.

Общецерковные канонизации от 1903 г., когда все русские святые были известны поименно, совершались Святейшим Синодом (до 1917 г.),

Священным Собором Православной российской церкви (1918 г.), далее Поместными или Архиерейскими Соборами, в обязанности которых входит «причтение <...> к лику общецерковных святых» [9, с. 26] (в формулировке Поместного Собора 1918 г.), «канонизация святых» [10, с. 13] (в формулировке Архиерейского Собора 2013 г.).

К местному почитанию, в соответствии с определением Священного Собора Православной российской церкви 1917–1918 гг., «прославление совершается по благословению Святейшим Патриархом со Священным Синодом» [9, с. 25], а после постановления Священного Синода от 1–2 октября 1993 г. – по благословению Святейшего Патриарха [11, с. 35].

Столь же важным в изучении истории канонизации святых Русской церкви и, в частности, отличия канонизованного святого от почитаемого подвижника, наряду с имеющимся (или отсутствующим) решением о канонизации церковной власти, является определение критериев канонизации, существующих в Русской церкви.

Важно отметить, что критерии, на основании которых совершались канонизации в Русской церкви, были на всем протяжении ее истории единообразны. Для канонизации подвижника были необходимы следующие условия: свидетельства о благочестивой жизни, народном почитании и чудотворениях.

Одних сведений о благочестивой жизни подвижника и его народном почитании никогда не было достаточно для церковного прославления, так как все они, будучи свидетельствами человеческими, носили субъективный характер и никогда не могли охватить всей жизни подвижника. Для церковного прославления подвижника необходимы были свидетельства о чудесах, которые, главным образом, совершились после его кончины. Необходимые для церковного прославления подвижника чудеса рассматривались как с точки зрения их убедительности, так и относительно их множественности. С точки зрения убедительности чудес рассматривались: серьезность болезни и засвидетельствованная невозможность исцеления с помощью врачей или каких-либо земных средств. Относительно числа таких бесспорных чудес имелось в виду то, что они не должны были быть единичными.

Первенствующее значение чуда для церковного прославления святого носило объективный

характер. Хотя благочестивая жизнь подвижника и имеет значение при его прославлении, однако в оценке жизни подвижника всегда присутствует элемент субъективности, так же как и в оценке его духовных качеств и добродетелей, поэтому требовались независимые, объективные факты, каковыми были чудотворения, удостоверенные свидетелями и подтвержденные церковным расследованием. Внутренней духовной жизни подвижника, по определению, не может знать никто из людей, кроме самого человека и Бога, и тем более ее никто не может проследить в течение всей жизни подвижника и до последней минуты.

Первые же прославленные Русской церковью святые – князья-страстотерпцы Борис и Глеб – показывают с совершенной ясностью характер и причину их прославления. После смерти святого князя Владимира, власть захватил Святополк, один из его сыновей, находившийся на тот момент в Киеве. Спустя немного времени Святополк убил претендентов на княжеский престол – братьев Бориса, Глеба и Святослава. Однако Русской церковью были прославлены только двое князей, Борис и Глеб, по той причине, что относительно третьего князя не было никаких сведений о том, что с его именем были связаны чудотворения.

Некоторые исследователи, размышляя над обстоятельствами смерти князей, пытались делать политические выводы или вывести на примере их смерти нравственное назидание. Политические – обязанность послушания старшему брату; нравственные – когда святость подвига обнаруживается в непротивлении злу [12, с. 50], будто «подвиг непротивления есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещеного русского народа» [12, с. 49]. Но ни то ни другое, естественно, не соответствовало действительности.

Греческие митрополиты, совершившие эту первую на Руси канонизацию, прекрасно понимали, что образ смерти князей не соответствует каноническим образцам, утвердившимся во Вселенской Церкви. Насильственную смерть князей невозможно рассматривать как форму христианского подвига. На примере первых прославленных Русской церковью святых мы определенно видим, что в их случае не действенно положение о благочестивой жизни, так как такие факты неизвестны, нет исповедания веры, и, следовательно, их смерть никоим образом нельзя назвать

смертью за веру Христову, не было первоначально и народного почитания. В этой первой канонизации есть очевидное указание, что и последующие прославления святых в Русской церкви не есть человеческое измышление, преследование через прославление политических или хотя бы воспитательных целей, но некая объективная реальность, проявляющаяся через чудо и отменяющая человеческий произвол. Таким образом, первое и по существу главное основание канонизации святых в Русской церкви было – чудо, т. е. прямое Божие вмешательство в процесс канонизации святого.

При канонизациях самым тщательным образом собирались свидетельства о чудотворениях и исследовалось, насколько они достоверны, для чего создавались специальные комиссии. Так, после известий о начавших совершаться чудесах в храме, где был погребен митрополит Ростовский Димитрий, скончавшийся в 1709 г., в Ростов в 1757 г. была направлена Святейшим Синодом комиссия, которая провела тщательное расследование относительно совершившихся чудес. Были опрошены сами исцеленные, кто от какой болезни был исцелен, сколько времени болел и насколько болезнь была тяжелой. И только после того, как такие свидетельства были собраны в достаточном количестве и засвидетельствовано, что слепые видят, болевшие тяжелыми и неизлечимыми болезнями исцелились, состоялась канонизация святителя.

При канонизации Иннокентия, епископа Иркутского, скончавшегося в 1731 г. и канонизованного в 1804 г., было зафиксировано 85 случаев чудесных исцелений.

При исследованиях, предваривших канонизацию (1915 г.) епископа Тамбовского Питирима, была создана в соответствии с указом Святейшего Синода комиссия, которая должна была произвести «тщательное исследование случаев чудотворений, совершившихся по молитвенному пред Богом предстательству святителя Питирима» [13, л. 8]; перед ней стояла задача опросить и собрать письменные показания как лиц, получивших исцеления, так и лиц, бывших очевидцами этих исцелений. Всего было произведено исследование 56 случаев исцелений, из них, однако, только 34 оказались «подкреплены на следствии вполне убедительными доказательствами» [13, л. 8 об.].

В соответствии с существовавшими в Русской церкви критериями, Священный Собор Православной российской церкви 3 сентября 1918 г. принял определение, зафиксировав это положение и поставив предел возможности по-иному решать этот вопрос. Было определено, что «для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых необходимо, чтобы богоугодная жизнь праведника была засвидетельствована даром чудотворения по кончине его и народным почитанием его» [9, с. 25].

Это совпадало с выводами В. О. Ключевского о том, что в «древней Руси известно было правило, которое требовало для церковного признания открывшихся мощей, “да сотворят три чудеса: глух да прослышит, нем проглаголет, слеп да прозрит; и аще сотворят чудеса; то от Бога и от св[я]тых] апостол; аще не сотворят тех чудес, то не примите их» [14, с. 423–424].

В начале XX столетия при подготовке к канонизации и исследованиях случаев исцелений принимали участие врачи. Например, удостоверение чудес, совершившихся по молитвам к Патриарху Ермогену (1913 г.), происходило по показаниям свидетелей и заявлениям врачей [15, с. 228]. При причислении к лику святых на Священном Соборе Православной российской церкви в 1918 г. епископа Иркутского Софрония в таком исследовании и экспертизе также принимали участие врачи. При этом особое внимание было уделено случаям неизлечимых заболеваний, когда «и диагноз и тяжесть их удостоверены врачами, а выздоровление – вопреки полученным предположениям – следовало непосредственно за молитвенным обращением к святителю» [16, л. 71 об.].

Внесение имен неканонизованных подвижников в различные книги в конце XX в. происходило зачастую, как и в XIX в., из-за историко-церковного невежества редакторов и поспешной деятельности церковных энтузиастов, которые оказали Церкви и науке плохую услугу, т. к. не учитывалась значимость и протяженность истории Церкви, простирающаяся далеко за границы земной жизни отдельного человека. А также и по причине того, что сугубо духовные явления стали экстраполироваться из явлений земных, представлений о неких человеческих заслугах и таким образом игнорировалось основное качество и свойство святого – отвержение им самого представления о заслугах. Такой духовный светильник

как преподобный Нил Сорский, прекрасно это осознавал, не желая быть прославленным ни в каком виде, хотя бы и через почитание его мощей, отдав на этот счет особое распоряжение.

Подводя итоги, подчеркнем, что в некотором роде святость действительно бесценна, но о ней почти невозможно судить и думать человеку. Однако можно и должно изучать подвиг святости и влияние святых на событийный ход человеческой микро- и макроистории. Важно не забывать, что жития святых, раскрывающих воплощение в человеке совершенной личности, в течение веков служили русскому человеку образцом для подражания. На этом, в частности, и строилась система отечественной педагогики.

Ссылки

1. Семенов-Басин И. В. Святость в русской православной культуре XX века. История персонификации. М.: Издат. центр Российского гос. гуманитарного университета (РГГУ), 2010. 291 с.
2. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1998. 597 с.
3. Поселянин Е. Н. Русская церковь и русские подвижники 19-го века. С портретами и рисунками. СПб., 1901. 570 с.
4. Верный Месяцеслов всех Русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно, составленный по доносениям Святейшему Синоду преосвященных всех епархий в 1901–1902 годах. М.: Синодальная типография, 1903. 72 с.
5. Собрание писем святителя Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского, исповедника и писателя. М.: Правило веры, 2001. 752 с.
6. Сергей (Спасский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока: в 3 т. М.: Православная энциклопедия, 1997. Т. I: Восточная агиология. 738 с.; Т. II: Святой Восток (ч. 1). 398 с.; Т. III: Святой Восток (ч. 2–3). 702 с.
7. Спасский А. А. Памяти Высокопреосвященного Сергия, архиепископа Владимирского // Богословский вестник. 1905. Т. 1, № 1. С. 216–224.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 2497. Л. 59.
9. Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Выпуск четвертый. М.: Издание Соборного Совета, 1918. 55 с.
10. Устав Русской Православной Церкви. Софрино, 2013.
11. Собрание документов Русской Православной Церкви. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. Т. 2, ч. 1. 656 с.
12. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 262. Л. 8.
14. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1998. 512 с.
15. Патриарх Ермоген. М.: Православная энциклопедия, 1997. 399 с.
16. РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 36. Л. 71 об.